

**ДЕЛО
НЕ ЗАКРЫТО**

**РАФАЭЛЬ
ГРУГМАН**

**СМЕРТЬ
СТАЛИНА
ВСЕ ВЕРСИИ
И ЕЩЁ ОДНА**

Дело не закрыто

Рафаэль Гругман

**Смерть Сталина. Все
версии. И ещё одна**

«Алисторус»

2016

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

Гругман Р. А.

Смерть Сталина. Все версии. И ещё одна / Р. А. Гругман —
«Алисторус», 2016 — (Дело не закрыто)

ISBN 978-5-906861-91-7

Версия насильственной смерти вождя получила огласку благодаря книге Авторханова «Загадка смерти Сталина: заговор Берия» (1976). Вначале осторожно, а затем всё уверенней историки заговорили о заговоре, связывая его с «делом врачей», планировавшейся депортацией евреев и... именем Берия. Именно его назначили и виновным за массовые репрессии, и убийцей Сталина, главой заговорщиков. Но так ли это? Предъявляла ли ему Прокуратора СССР обвинение в убийстве или подготовке к убийству «отца народов» и как восприняло это обвинение, если таковое имело место, Специальное Судебное Присутствие Верховного суда СССР? Бывает и дым без огня, если дымовую завесу устраивают мастера фальсификаций, уверен автор книги, досконально изучивший все существующие версии смерти вождя и проведший своё расследование событий, развернувшихся на сталинской даче в мартовскую ночь 1953 года.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-906861-91-7

© Гругман Р. А., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

От автора	5
Часть I	7
Предисловие	7
Послевоенная осень. Первый микроинсульт	13
Конфликт с дочерью. Начало	16
«Роман» Сталина с сионистами	20
1945 год: Великие Державы и Палестина	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Рафаэль Гругман

Смерть Сталина: все версии. И ещё одна

Посвящается Антошеньке, Лорочке и Маечке Цейтлин

For Anthony, Lora and Maya Tseytlin

От автора

Зимой 1953-го в кругах московской еврейской интеллигенции распространялись мрачные слухи о готовящейся массовой депортации евреев в Сибирь, и правительственное сообщение о смерти Сталина, прозвучавшее 5 марта, в день празднования еврейского праздника Пурим, воспринято было как кара Всевышнего: «Аман XX века умер»¹. Оставим эту версию без внимания, как бы красиво она ни звучала. У родственников и ближайшего окружения Сталина, знавших о двух микроинсультах (первый случился в октябре 1945-го, второй – в октябре 1949-го), подозрений о насильственной смерти не возникло (нельзя считать таковыми пьяные крики Василия Сталина в день смерти отца). Обширный инсульт в 73-летнем возрасте даже при нынешних достижениях медицины чаще всего завершается фатальным исходом.

Версия насильственной смерти получила огласку в 1976 году в книге А. Авторханова «Загадка смерти Сталина: заговор Берия». Она обрела популярность в середине восьмидесятых, когда вначале осторожно, а затем всё уверенней историки заговорили о заговоре, связывая его с «делом врачей», планировавшейся депортацией евреев и... именем личного врага Авторханова Лаврентия Берии, которого Хрущёв в поисках козла отпущения назначил виновным за массовые репрессии. Придумка эта пришлась кстати и обеляла «ничего не ведавшее» высшее руководство партии. И ведь как удачно сложилось: созданный Хрущёвым образ монстра и сексуального маньяка прижился надолго, шагнув в XXI век. Берию единожды назначили убийцей Сталина, главой заговорщиков и пошло-поехало – ложь, тысячекратно повторяемая десятилетиями, приручилась, свыклась в чужих одеждах и стала похожей на правду.

Но так ли это? Что произошло на сталинской даче в ночь на 1 марта 1953 года? Естественная смерть или дворцовый переворот, привычный для российской истории и осуществлённый высокопоставленными членами сталинского Политбюро?

Почему до 1976 года никто о заговоре не говорил? Или всё же говорил, но тишком – и до массового сознания речи «разоблачителя» не доходили? И если после ареста ведущих кремлёвских врачей, знавших историю болезни вождя, в решающие часы Сталин оказался без медицинской помощи и хотя бы поэтому его смерть напрямую связана с антисемитской компанией, им же развязанной, то почему это произошло? Ведь Сталин оказал неоценимую поддержку сионистам при создании государства Израиль – и вдруг стал антисемитом и антисионистом. Почему? И не вызван ли инсульт, случившийся в день рождения дочери, с напряжёнными с ней отношениями, семейными проблемами и ссорой?

Без ответа на эти вопросы нельзя воссоздать полноценную картину первомартовской ночи 1953 года, и об этом повествует часть первая – «Смерть Сталина: заговор или естественная смерть?» Мир после ухода Сталина с политической сцены не стал иным, но уже не смог быть прежним.

¹ Аман – персонаж Ветхого Завета, ставший в еврейской традиции символом антисемита, ненавидящего еврейский народ и замышляющего его погибель. Праздник Пурим ежегодно отмечается во всех еврейских общинах в память об избавлении от Амана и чудесном спасении евреев в Персидском царстве более 2400 лет назад, в период правления царя Ахашвероша. В 1953 году праздник Пурим удивительным образом совпал с днём смерти Сталина.

Дыма без огня не бывает – это истину мы усвоили со школьной скамьи. Что известно о первомартовской ночи всезнающему правосудию? Чем ещё в декабре 1953 года завершилось полугодовое следствие по делу Берии помимо его признания шпионом и врагом народа, виновным в действиях, направленных на подрыв Советского государства? Предъявляла ли ему Прокуратора СССР обвинение в убийстве или подготовке к убийству «отца народов» и как восприняло это обвинение, если таковое имело место, Специальное Судебное Присутствие Верховного суда СССР? Ответ на эти вопросы во второй части – «По следам первомартовской ночи».

Часть I

Смерть Сталина: заговор или естественная смерть?

*Правда – это не то, что было
или чего не было в одну ночь из ночей.
Правда есть то, что останется
в людской памяти навсегда.*

Зеев Жаботинский. «Самсон Назорей»

Предисловие

Эта история началась для меня тогда, когда ещё не были опубликованы мемуары Светланы Аллилуевой, из которых черпали вдохновение десятки, если не сотни историков; когда ещё не рискнул предать гласности воспоминания о последней вечере вождя её участник Никита Хрущёв, личность спорная и неоднозначная; когда Авторханов, яростный ненавистник Бери, перешедший в годы войны на сторону Гитлера, ещё не составил план мести и не обвинил своего заклятого врага в заговоре с целью убийства Сталина и когда в массовом сознании, не возбуждённом ветрами перемен, властвовала официальная версия естественной смерти «отца народов».

Шёл 1966 год. Одним он запомнился судом над писателями Синявским и Даниэлем, другим – XXIII съездом КПСС, третьим – ташкентским землетрясением... Для меня – годом поступления в НЭТИ². Через два месяца я стал членом литературного объединения, нашедшего приют в двух редакционных комнатках газеты «Энергия».

Несмотря на то что редактору газеты, кандидату философских наук Глебову, совмещавшему партийную нагрузку с преподаванием на кафедре философии, не было ещё сорока, он казался мне стариком: интеллигентная коротко стриженная борода клинышком (а ля дедушка Калинин) придавала Владимиру Львовичу строгий и загадочный вид, чему способствовали также пенсне и трость, добавившаяся позднее. Нехитрые аристократические атрибуты, которыми он себя оградил, отпугивали меня, и единственное, на что я решался, – робко здороваться с ним при встрече. Вскоре он оставил редакторскую должность, полностью переключившись на написание докторской диссертации.

От одного из своих старших товарищей, вхожего в редакцию и лучше знавшего Владимира Львовича, я услышал историю смерти Сталина. К рассказу Глебова, переданному через второе лицо, отнёсся я с недоверием... Сомневался и в том, что тот был сыном опального Каменева, бывшего члена Политбюро³.

Время рассудило иначе и расставило всё по своим местам. Не берусь утверждать, что расставило окончательно: в отличие от математики, законы которой вечны и неоспоримы, общественные мораль и законы склонны менять одежды самым неожиданным образом. Мы ещё

² НЭТИ – Новосибирский электротехнический институт, ныне НГТУ – Новосибирский государственный технический университет

³ С 25 октября (7 ноября) 1917 г. Лев Борисович Каменев – председатель ВЦИК. Через десять дней подал в отставку, требуя создания коалиционного правительства с меньшевиками и эсерами. С октября 1918 г. по май 1926 г. – председатель Моссовета. С марта 1919 г. – член Политбюро, с 1922 года в связи с болезнью Ленина председательствовал на заседаниях Политбюро. С февраля 1924-го – председатель СТО СССР. Расстрелян 26 августа 1936 года по делу «Троцкистско-зиновьевского объединённого центра». Реабилитирован в 1988 году.

вернёмся к истории Глебова, но сначала несколько слов о нём самом и о последующих событиях, заставивших сохранить в памяти его версию...

Владимир Львович родился в 1929 году за семь лет до трагической смерти отца; вместе с матерью Татьяной Глебовой, второй женой Каменева, сослан был в Бийск; в 1937 году, после расстрела матери, попал в детдом и в дальнейшем всю жизнь носил её фамилию.

Кто знает, какой была бы история СССР, если бы в 1922 году Каменев не предложил назначить Сталина Генеральным секретарём ЦК РКП(б)... Через три года Каменев стал одним из лидеров антисталинской оппозиции. В 1936-м его расстреляли. Такая же участь постигла всех членов его семьи. Младшего сына спасло то, что на момент расстрела отца ему было семь лет.

Когда сын подрос, его тоже репрессировали. Но ему тем не менее повезло. По недосмотру он избежал печальной судьбы, выпавшей двум его сводным братьям от первого брака Каменева, родным племянникам главного врага Сталина – Льва Троцкого. Угораздило же их иметь такое родство!

Для первой волны расстрелов Володя Глебов был слишком юн. Когда в 1949 году вновь начались репрессии (папочка-оппозиционер подкачал дважды – оказался ещё и евреем), он, в отличие от многих будущих жертв диктатора, уже находился в Сибири. Можно сказать, что и на этот раз ему подфартило. Вскоре после смерти Сталина началась волна реабилитаций, и Владимир Глебов получил шанс вернуться к полноценной жизни.

Биография Глебова прояснилась в середине восьмидесятых, когда газета «Социалистическая индустрия» опубликовала интервью с доктором философских наук Глебовым, в котором он рассказал, как после расстрела отца оказался с матерью Татьяной Ивановной в сибирской ссылке, и поведал о своей жизни. О смерти Сталина речи не было. Глебов хранил молчание, хотя к тому времени уже разговорились многие, в той или иной мере владевшие информацией.

Потрясение устоев началось с сенсации – с бегства на Запад в 1967 году дочери Сталина Светланы Аллилуевой, сумевшей при содействии посла Индии вывести из СССР книгу воспоминаний «Двадцать писем к другу». Через год в Нью-Йорке была опубликована вторая книга Светланы – «Только один год», повествующая, в частности, о причастности Сталина к убийству Михоэлса.

Новый информационный взрыв не заставил себя долго ждать. В 1970 году Хрущёв, один из самых преданных соратников Сталина и участник ночного застолья, завершившегося инсультом «вождя народов», к тому времени смещённый со всех постов «новыми» заговорщиками, наслушался по «Голосу Америки» глав из книг Аллилуевой и в отместку за низвержение передал американскому издательству мемуары, в которых поведал о последних днях и часах жизни Сталина. Его воспоминания, как и мемуары дочери Сталина, легли в основу работ всех историков.

Отголоски западных публикаций нелегально просачивались в СССР. Интерес к событиям, связанным со смертью Сталина, подогревался книгой Абдурахмана Авторханова «Загадка смерти Сталина: заговор Берия» (1976). В ней он назвал Берия, своего личного врага, организатором убийства «отца народов». Вряд ли профессор американской военной академии ожидал, что на его бывшей Родине, справедливо считавшей его предателем за добровольный переход линии фронта и сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами, его версия обретёт толпу почитателей.

Тема оказалась хлебной, и на этом «откровения» не закончились. В 1984 году в США была опубликована книга Роя Медведева «Они окружали Сталина» (в СССР книга издана в 1990 году), в которой известный советский диссидент популяризировал мемуары Аллилуевой и Хрущёва и озвучивал воспоминания бывших руководителей советского государства. Защищая отцов, «боевых» соратников Сталина, в 90-х годах заговорили их сыновья – свидетельский

круг, по мере отдаления от реальных событий, стремительно увеличивался. Каждый, владевший хоть какой-либо информацией, старался внести свою лепту в чашу истории.

С развалом Советского Союза приоткрылись «государственные секреты». В Архиве Президента РФ «обнаружился» архив Сталина, к которому, опасаясь неконтролируемой огласки, допустили лишь «особо доверенных» лиц. Доктор исторических наук Илизаров, ведущий научный сотрудник Института российской истории, работавший в комиссии по передаче архивов КПСС и КГБ в государственные архивы РФ, написал об ограничениях, с которыми столкнулся, подтвердил слухи об уничтожении секретных документов и рассказал о 300 делах, закрытых для изучения⁴.

Тем не менее «особо доверенные» исследователи Волкогонов, Радзинский (кавычки употребил Илизаров, сомневаясь в их объективности), пользуясь эксклюзивным правом изучать архивные документы, опубликовали несколько книг, в период информационного вакуума ставших бестселлерами.

Новым биографом Сталина с одобрения Кремля стал бывший начальник Института военной истории Министерства обороны СССР генерал-полковник Волкогонов. В 1994 году вышла его книга «Сталин. Политический портрет». В этом же году на Западе появились воспоминания бывшего заместителя начальника разведуправления МГБ СССР генерал-лейтенанта Судоплатова «Разведка и Кремль». В России под названием «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы» они были изданы в 1997 году.

По непонятной причине «звёздные авторы», кормившиеся с мемуарного стола Аллилуевой, обошли молчанием четвёртую книгу Светланы – «Книга для внуков: Путешествие на родину» (Нью-Йорк, 1991 год). В ней прозвучала загадочная история о некоем Надирашвили, появившемся в её квартире сразу же после смерти отца, имеющая отношение к Сталину и к Берии. Светлана настоятельно просила исследователей раскрыть личность Надирашвили и указала направление поиска – неизданные мемуары Поскрёбышева, арестованные КГБ. До сих пор эта тайна находится за семью замками: историки, писатели и чекисты, сделавшие себе имя на мемуарах Светланы и активно использующие две первые её книги, стороной обходят историю Надирашвили – ни подтверждения, ни опровержения, известно лишь то, что поведала Аллилуева.

Однако разговорились не все. Продолжали хранить молчание соратники Сталина – долгожители: Маленков, фактический преемник Сталина на посту главы правительства СССР (умер в 1988 г.), Молотов (умер в 1986 г.) и Каганович (умер в 1991 г.). Казалось бы, мемуары Хрущёва (умер в 1971 г.), в которых «заклятый друг», нелюбезно о них отзывавшийся, подробно изложил свою версию событий, вроде бы должны были подтолкнуть молчунов к разговорчивости. Ан нет: стиснули зубы, не опровергли, но и не подтвердили. Оставшиеся в живых соучастники сталинских преступлений прочно связали себя круговой порукой: нас не трогай, а мы – честно выдержим обет молчания, данный КГБ и Хрущёву.

Из самого близкого окружения Сталина зимы 1953-го, бывшего с ним в ночь, когда случился инсульт (Маленкова, Берии, Хрущёва и Булганина), и расширенного (находящейся в отдалении второй четвёрки вождей – Кагановича, Ворошилова, Молотова и Микояна – и допущенной к постели умирающего на второй день болезни) откровенничал лишь Хрущёв. Остальные, за исключением Берии, арестованного 26 июня 1953 года и расстрелянного через полгода, 23 декабря (на этот счёт есть разные версии), прожили долгую жизнь и... как «в рот воды набрали». Микоян в своих многословных воспоминаниях острые углы старательно обошёл.

Впрочем, мемуары долгожителей сталинского Политбюро (Каганович, едва не дотянувший до столетнего юбилея, отметил посмертно опубликованными в 1996 году «Памятными

⁴ Илизаров Б. С. Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива, глава «На фоне архива и посмертной суеты» // Новая и новейшая история. 2000, №№ 3, 4.

записками», довольно скучными, к слову сказать) ничего не добавили бы к тому, что было уже известно. Молотов и Каганович, несмотря на публичные пощёчины, полученные от Сталина, – арест жены Молотова и обвинение в шпионаже брата Кагановича, вынужденного застрелиться, – и после смерти вождя остались покорными и преданными служаками, о которых в повести «Верный Руслан» написал Георгий Владимов. До самой смерти Молотов и Каганович, сохраняя корпоративное молчание, боролись за возвращение им партийных билетов. К слову сказать, не напрасно: за два года до кончины, в кратковременное царствование Черненко, Молотов своего часа дождался.

Каганович (о его роли мы будем говорить особо – его имя фигурирует в нескольких версиях, представленных ниже), в отличие от интерпретаторов, строивших разные домыслы, смерть Сталина описал одним лишь абзацем, подчеркнув отсутствие каких-либо недомоганий. О том, что могло бы послужить причиной инсульта, не сказано ни полслова:

«Умер Сталин неожиданно. Хотя некоторые из нас в последний период его жизни реже бывали у него в домашних условиях, но на совещаниях, официальных заседаниях мы с удовлетворением видели, что, несмотря на усталость от войны, Сталин выглядел хорошо. Он был активен, бодр и по-прежнему вёл обсуждение вопросов живо и содержательно. Когда ночью меня вызвали на “Ближнюю дачу”, я застал там Берия, Хрущёва и Маленкова. Они сказали мне, что со Сталиным случился удар, он парализован и лишён дара речи, что вызваны врачи. Я был потрясён и заплакал»⁵.

Как трогательно: «...я был потрясён и заплакал»... Несмотря на трагическую гибель брата, «дело врачей» и готовящийся над ними процесс, который должен был закончиться публичными казнями осуждённых, «...мы с удовлетворением видели, ... Сталин выглядел хорошо. Он был активен, бодр и по-прежнему вёл обсуждение вопросов живо и содержательно».

Ничего из того вымысла, которым «прославился» его американский псевдоплемянник Стюарт Каган (Каганович), опубликовавший, по его словам, истинные мемуары своего дяди. Несмотря на то что ни один серьёзный исследователь не упоминает бред из книги «Кремлевский волк» только из-за фамилии автора, утверждавшего, что написанное он лично слышал из уст Кагановича, в главе «Ложь и вымысел о смерти Сталина» я вынужден буду коротко остановиться и на его версии.

Ещё один свидетель из лиц, особо приближённых к Сталину, Булганин (умер в 1975 г.), мемуаров не оставил, но его воспоминания со слов Бенедикта Сарнова приведены Авторхановым. О них мы тоже поговорим позднее.

Каждый рассказчик добавлял в картину событий, предшествовавших марту 1953-го, что-то своё. Очевидцы, они же и соучастники сталинских преступлений, многое недосказали. Однако то, чем они скупо поделились, рассказывая о смерти Сталина, с незначительными отклонениями совпадало с версией, известной мне с середины шестидесятых. Единственное, что было скомкано, – объяснение того, что же послужило причиной инсульта. Именно этим их версии отличались от версии Глебова. У каждого «героя», по причинам вполне субъективным, было желание стусевать свою роль, скрыть сопричастность к массовым убийствам, были свои причины хранить молчание.

Но если говорить о Глебова, некогда возбудившем мой интерес к изучению данной темы, то сын врага народа, в отличие от других детей репрессированных, в рядах диссидентов замечен не был. В 1962 году он стал членом КПСС и даже в перестроечные времена остался верен дрессировке, полученной в детдоме для детей изменников Родины. Вновь, к великому ужасу, «верный пёс Руслан»...

⁵ Каганович Л. М. Памятные записки. – М., 1996.

Умер Глебов в 1994 году, не опубликовав того, что рассказал в частной беседе.

Долгие годы я не доверял Владимиру Львовичу, понимая, что он не был очевидцем событий и его рассказ, точнее пересказ, мог быть основан на домыслах. Впервые я опубликовал его версию в 2011 году в книге «Советский квадрат: Сталин – Хрущёв – Берия – Горбачёв». В ней, как и в последующей книге «Светлана Аллилуева. Пять жизней» (2012), предлагая своё видение исторических событий, я старался избегать голословных и спекулятивных утверждений, которыми в погоне за сенсацией, увы, грешат многие авторы.

Мой труд, как и труд многих других исследователей, был бы облегчён, если бы в открытом доступе с комментариями специалистов находилась десятилетняя история болезни Сталина. Но засекречен не только личный архив Сталина. Закрыты архивы ФСБ, в которых за семью печатями хранятся документы секретных служб былой эпохи – ОГПУ, НКВД, МГБ и КГБ. С географических карт исчезла страна, называвшаяся СССР, рухнул тоталитарный режим, и нет уже «карающего меча диктатуры пролетариата», но преемники свято хранят тайны прошлого.

До сих пор полностью не опубликовано письмо Лидии Тимашук, на котором в 1948 году Сталин начертал резолюцию: «В архив!», – через четыре года оно «всплыло» для инициирования «дела врачей». Частично опубликованы следственные материалы по ЕАК (Еврейскому антифашистскому комитету).

Чуть ли не государственной тайной является «дело Берии». Полвека советская историография, до неузнаваемости переписав его биографию, бездоказательно убеждала советских людей (а с развалом СССР – россиян), что ещё с 1919 года он был агентом муссаватистской разведки, затем английским шпионом и прочая, и прочая. По всем описаниям – трёхглавый дракон, извергающий напалм, и тот не так страшен в сравнении с новым чудовищем, каждый раз меняющим своё имя. Сперва в роли чудища был Троцкий, затем двуглавый змий Каменев – Зиновьев, позже зловещую маску примерили на Бухарина и, наконец, окончательно установили имя злодея – Берия. Стереотипы живучи. До сих пор у тех, кто берётся описывать сталинскую эпоху, когда речь заходит о Берии, белых красок нет, все – чёрные.

Крохотные порции рассекреченных документов, которые время от времени «выбрасываются» из архивов, не позволяют воссоздать цельную картину событий. Иногда приходится оперировать слухами (кто-то где-то что-то сказал), ссылаться на мемуары очевидцев и современников, которые также не являются истиной в последней инстанции. Кого-то могла подвести память, а кто-то усердно старался себя обелить и выправить историю. Часть документов безвозвратно утеряна (временщики Маленков, Хрущёв, Суслов активно «подчищали» историю, уничтожая отпечатки пальцев на самых кровавых страницах советской эпохи), часть сфальсифицирована историографами от КПСС.

Не все тайны минувшего века преданы гласности: многие документы былой эпохи дожидаются ухода поколений, заинтересованных в их сокрытии. Но то, что уже известно, позволяет заново осмыслить события более чем полувековой давности.

Так, в 2014 году в книге «Жаботинский и Бен-Гурион: правый и левый полюсы Израиля»⁶ появились сенсационные ранее не публиковавшиеся свидетельства о роли Ивана Майского, посла СССР в Англии, в определении советской политики в Палестине. Его тайное посещение Палестины в 1943 году в ранге заместителя наркома иностранных дел для встреч с лидерами сионистов и последовавший затем доклад Сталину легли в основу сталинского решения поддержать сионистов, которых позже он подвергнет анафеме, а Майского за две недели до смерти заточит в тюрьму.

Загадочная ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года... Прежде чем притронуться к её тайне, попробуем воссоздать картину эпохи, предшествующей гибели Великого Дракона. Проанализируем, как стыкуется она с версией Глебова и шестью другими, собранными Авторхано-

⁶ Гругман Р.А. Жаботинский и Бен-Гурион: правый и левый полюсы Израиля. – Феникс, 2014.

вым. Поскольку повествование сиё не художественное, сопоставляя версии, я вынужден буду обильно цитировать первоисточники.

События, происходившие внутри страны, тесно переплелись с внешнеполитическими, без рассмотрения которых сложно понять, что же выбило из колеи «активного и бодрого» (утверждение Кагановича) Сталина и способствовало инсульту. Но говоря о 1952 году, последнем в жизни Сталина, невозможно пройти мимо громких процессов – пражского, называемого по имени главного фигуранта «делом Сланского», московского (ЕАК) и набравшего обороты «дела врачей». Все они были объединены ярко выраженной антиеврейской направленностью.

1952 год богат на события. Нельзя обойти молчанием как бы стоящее особняком, малоизученное «мингрельское дело», интересное тем, что главным его обвиняемым должен был стать Берия, мать которого, по убеждению Сталина, якобы оказалась мингрельской еврейкой. Арест Берии должен был стать вершиной «мингрельского дела».

Но чтобы понять причину, побудившую Сталина в конце сороковых годов развернуть антиеврейскую кампанию, приведшую, как считают некоторые исследователи, к его гибели, необходимо задержаться на политике Советского Союза в Палестине и на сто восемьдесят градусов изменившейся позиции Сталина, сперва просионистской, затем антиссионистской. Резкие виражи безболезненно не проходят. Определённую лепту внёс и семейный конфликт, противостояние дочери и отца из-за влюблённостей Светланы в Каплера и Морозова и её первого замужества супротив воли отца.

Следует рассмотреть и банальную версию, которую в силу будничности и непривлекательности почти никто не рассматривал. Это естественная смерть пожилого человека, отягощённого болезнями, в частности гипертонией, в октябре 45-го и 49-го перенёсшего микроинсульты и из-за маниакальной подозрительности и боязни врачей, свойственной некоторым категориям психически неуравновешенных пациентов, на пороге смерти оставшегося без их присмотра.

Однако начнём по порядку – с внешней политики. События сороковых годов, самых кровавых в истории человечества, не исчерпывались Второй мировой войной. Второе пятилетие «отметилось» попыткой коммунистической революции в Иране, войной на Балканах, началом «холодной войны» и берлинским кризисом, закончившимся созданием двух противоборствующих военно-политических блоков и двух Германий, гражданской войной в Китае, битвой за Палестину и первым послевоенным вооружённым противостоянием великих держав – в Корее. Атомная бомба после ужасного примера использования в Японии стала сдерживающим фактором при разрешении глобальных конфликтов. Наличие или отсутствие «большой дубинки» влияло на решимость Кремля идти в международных конфликтах ва-банк⁷.

Внутри страны сороковые годы запомнились «ленинградским делом» и расстрелом Вознесенского и Кузнецова, которых Сталин называл своими приемниками, разнuzданной антисемитской кампанией, разгромом Еврейского антифашистского комитета и «делом врачей». Оно, как выяснилось, стало последним в длинной цепи сталинских преступлений, бумерангом, ударившим по тому, кто его запустил.

⁷ По воспоминаниям Серго Берии, Главного конструктора противокорабельных ракет, летом 1950 года его вызвали к Сталину. Помимо военных и конструкторов на совещании присутствовали Хрущёв, Маленков, Берия и Булганин. Сталин предложил применить новое оружие против американских авианосцев в Корее. В ответ Лаврентий Берия сообщил, что «по данным разведки, в случае если мы ввяжемся в большую войну, американцы планируют нанести ядерные удары по всем нашим основным промышленным центрам. Будут бомбить и Москву». Когда выяснилось, что истребительная авиация и ПВО не в состоянии предотвратить ядерную атаку (американцы летали на недосягаемых высотах), Серго получил задание за год создать ракету класса «земля – воздух», способную поражать цель на больших высотах. Угроза нанесения ядерного удара по СССР остановила намерение Сталина ударить по американцам (*Берия С. Л. Мой отец – Лаврентий Берия. – М., 1995*).

Послевоенная осень. Первый микроинсульт

В феврале 1945-го три заядлых курильщика и любителя алкоголя – Сталин, Рузвельт и Черчилль – встретились в Ялте. Самому молодому из них, Франклину Рузвельту, исполнилось 63 года. Несмотря на то что, начиная с апреля 1944-го его артериальное давление было 220/120 и выше, он не изменял вредным привычкам и продолжал активно работать⁸. Через три месяца, 12 апреля 1945 года, он умер от кровоизлияния в мозг.

Сталин, также страдавший от гипертонии и, по официальной версии, также умерший от кровоизлияния в мозг, пережил Рузвельта на восемь лет.

Черчилля, как и Сталина, третий инсульт настиг также в 1953-м, только в июне. Он оказался удачливей всех и прожил ещё 12 лет, не дотянув десяти дней до двадцатилетнего юбилея Ялтинской конференции.

Однако вернёмся к Сталину. В декабре 1945-го ему исполнилось 66 лет. В каком физическом состоянии встретил он первую послевоенную осень?

Не станет открытием Америки утверждение, что старение организма сопровождается появлением сердечно-сосудистых заболеваний. Но и в молодости Сталин не отличался богатырским здоровьем. Физическое уродство (сухая левая рука – следствие неизлечимой генетической болезни Эрба, а также сросшиеся с рождения пальцы левой ноги) наложило отпечаток на его психику. Недомогания, каждое из которых не является причиной смертельного недуга, с годами накапливались...

Проблемы со здоровьем (боли в мышцах рук и ног, частые простуды, бессонница, невралгия) начались у Сталина в конце двадцатых годов. Он страдал от полиартрита и в 1926—27 годах ездил лечиться в Мацесту, где принимал тёплые сероводородные ванны из естественных горячих источников⁹. Позже ежегодно он ездил в Сочи. В письмах жене (опубликовано 17 писем, написанных в 1929—31 годах)¹⁰, он делится переживаниями.

29 августа 1929 г.

«...Я успел уже принять две ванны. Думаю принять ванн 10. Погода хорошая. Я теперь только начинаю чувствовать громадную разницу между Нальчиком и Сочи в пользу Сочи. Думаю серьёзно поправиться».

1 сентября 1929 г.

«...Оказывается, в Нальчике я был близок к воспалению лёгких. Хотя я чувствую себя много лучше, чем в Нальчике, у меня “хрип” в обоих лёгких и всё ещё не покидает кашель. Дела, чёрт побери...»

16 сентября 1929 г.

«...Я выздоравливаю помаленьку».

Через год, 2 июля 1930 г.

«...Я за это время немного устал и похудел порядком. Думаю за эти дни отдохнуть и войти в норму».

2 сентября 1930 г.

«...Я понемногу оправляюсь».

⁸ *McDermott R. Presidential Leadership, Illness, and Decision Making. – Cambridge University Press, 2008.*

⁹ *Рыбин А. Т. Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. – М.: Ирис-Пресс, 1994.*

¹⁰ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550.

24 сентября 1930 г.

«...Я здоров и чувствую себя как нельзя лучше. Возможно, что Уханов видел меня в тот самый день, когда Шапиро поточил у меня восемь (8!) зубов сразу, и у меня настроение было тогда, возможно, неважное. Но этот эпизод не имеет отношения к моему здоровью, которое я считаю поправившимся коренным образом».

Через год, 14 сентября 1931 г.

«...Здоровье у меня поправляется. Медленно, но поправляется».

Вплоть до 1937 года Сталин ежегодно выезжал для лечения на южные курорты. Затем в Москве стартовали политические процессы, которыми он дирижировал, начались войны с японцами и финнами, присоединение Бессарабии, Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии. Всё это вынудило его безвылазно находиться в столице.

В ночь на 22 июня Сталин спал не более двух часов. В первый день войны, прибыв в Кремль в 5:45 утра, он непрерывно работал 12 часов, ничего не ел и выпил за день только стакан крепкого чая¹¹. В таком режиме, если это можно назвать режимом, он работал в годы войны, иногда по 15 часов. Нередко охрана находила его спящим на диване, одетым и обутым¹². Четыре напряжённых года без отпуска и выходных – организм работал на износ, и в любой момент мог произойти сбой.

Но и после Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа) возможности отдохнуть не было. 6 августа американцы сбрасывают ядерную бомбу на Хиросиму – начинается новая эра в противостоянии великих держав. 8 августа, выполняя данное союзникам обещание, Советский Союз вступает в войну с Японией, преследуя, однако, свои цели: вернуть территории, по итогам русско-японской войны 1904–1905 годов потерянные и закреплённые за Японией Портсмутским мирным договором (южный Сахалин, Порт-Артур и Курильские острова).

Перенапряжение сказалось в первую послевоенную осень. До войны главной медицинской проблемой Сталина были боли в суставах, поэтому во время длительных заседаний он не мог сидеть на одном месте и прохаживался по кабинету. После войны к заболеваниям добавилась гипертония, развитию которой способствовало множество факторов – возраст, курение (стаж около 50 лет), длительное умственное перенапряжение, эмоциональные стрессы...

Микроинсульт, настигший Сталина между 10 и 15 октября, едва не убил его.

Из журналов посетителей Сталина, опубликованных «Историческим архивом» в 1996–1997 годах, видно, что в период с 8 октября до 17 декабря 1945 года Сталин в Кремле отсутствовал и никого, следовательно, не принимал. По свидетельству Юрия Жданова, в 1949 году ставшего вторым мужем Светланы, его отец (А. А. Жданов) почти всё время находился рядом со Сталиным, и бывали дни, когда возникал вопрос о передаче ему временных полномочий руководства партией и страной¹³.

Два месяца Сталин ни с кем не общался и не разговаривал по телефону (даже с дочерью, с которой у него окончательно испортились отношения после того, как в 1944 году она вышла замуж за Григория Морозова)¹⁴, и это породило слухи, что болезнь сопровождалась временной потерей речи.

После первого микроинсульта, из которого 66-летний Сталин выкарабкался с трудом, врачи посоветовали ему соблюдать щадящий режим работы и осенью, во время неустойчивой погоды, находиться на юге.

¹¹ Медведев Р. А. И. В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2002, № 2.

¹² Рыбин А. Т. Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. – М.: Ирис-Пресс, 1994.

¹³ Балаян Л. А. Хронология, <http://www.stalin.su/hronology.php?action=period&id=7&yearid=14>

¹⁴ Аллилуева С. И. Двадцать писем другу. – М., 1990.

Последующие годы – (1952-й явился исключением, и мы подробно остановимся на причинах, заставивших Сталина пренебречь рекомендациями врачей) он следовал их указаниям: сократил время пребывания в Кремле (иногда отсутствовал по нескольку дней), большей частью работал на даче и *каждую* осень проводил на кавказском побережье, в отпуске.

Пережив микроинсульт и зная, что возможны рецидивы, вместо того чтобы уйти на заслуженный отдых, Сталин вернулся в большую политику. Бесследно инсульты не проходят, и второй, более тяжёлый, случился в октябре 1949-го. Когда же Сталин отказался от врачей, прекратил принимать лекарства и занялся самолечением, последовал третий удар, ставший фатальным. Ленин, между прочим, *также* пережил несколько микроинсультов, *также* не прислушался к советам врачей, рекомендовавшим ему полностью отказаться от активной политической деятельности, и совсем молодым, *по нынешним понятиям*, скончался от обширного кровоизлияния в мозг на пятьдесят четвёртом году жизни.

Так, может, стоит не выдумывать детективные романы, не играть в следователей-чекистов, высасывающих из пальца несуществующие заговоры, а согласиться с первоначальным заключением врачей о естественной смерти 73-летнего старика? Согласиться, даже если когда-нибудь выяснится, что при попытках вернуть его к жизни были допущены непреднамеренные ошибки?

Вспомним, что последующие лидеры партии и советского государства, за исключением Горбачёва, также не дотянули до 80-летнего рубежа, но никто не искал в их смерти следов заговора. Четыре месяца не дожил до 70-летнего юбилея Юрий Андропов: кремлёвская медицина делала всё, что было в её силах, но не смогла справиться с букетом его заболеваний (диабет, гипертония, инфаркты, атеросклероз, колит, артрит, подагра, хроническая почечная недостаточность). Брежнев умер, месяца не дожив до 76-летия; Черненко скончался на 74-м году жизни; Хрущёв – на 78-м; атлет Ельцин, мастер спорта по волейболу, едва перешагнул 76-летний рубеж.

Врачи не кудесники. Вспомним, что уже в XXI веке в аналогичной ситуации, после обширного инсульта, используя современные методы лечения, израильские врачи 8 лет (!) держали в вегетативном состоянии парализованное тело Ариэля Шарона, премьер-министра Израиля, но так и не смогли оживить мозг.

Не станем спешить с выводами и для рассмотрения иных версий, включая спекулятивные, вместе со Сталиным вернёмся в большую политику, начав с событий внешнеполитических. Нас ждёт битва за Палестину, результат которой, по мнению ряда историков, привёл к изменению внешней и внутренней политики СССР и к новым политическим процессам, а в конечном итоге (это нам предстоит доказать или опровергнуть) и к заговору против Сталина. Но прежде о конфликте с любимой дочерью. Не секрет, что семейные переживания и конфликты способствуют развитию сердечно-сосудистых заболеваний. В данном случае семейный конфликт ко всему прочему способствовал развитию антисемитизма – вначале на бытовом уровне, в виде вмешательства в личную жизнь дочери, что, учитывая общественное положение главы семьи, вскоре отразилось на внутренней политике государства.

Конфликт с дочерью. Начало

Конфликт дочери и отца начался зимой 1943 года, после дня рождения Светланы 28 февраля (обращаем внимание на дату: через десять лет этот день станет последним в сознательной жизни Сталина).

«Я была школьницей 17-ти лет, меня полюбил человек на двадцать лет старше меня, а я влюбилась в него. Этот невинный роман, состоявший из прогулок по улицам Москвы, хождения в театры и кино, из нежной привязанности двух разных, но понимавших друг друга людей, вызвал ужас окружавших меня «оперуполномоченных» и гнев отца»¹⁵.

– Дура! – закричал он, узнав, что его дочь целовалась с Каплером. – Не могла себе русского найти.

– Я люблю его, – ответила Светлана и впервые в жизни получила от отца две звонкие пощечины.

Нет ничего зазорного в том, что позабылась десятая-двенадцатая любовь, промелькнувшая мимолётно на четвёртом десятке лет, и в вихре жизненных бурь стёрлись в памяти и имя возлюблённого, и даты. Но первая любовь, трагично разрушенная родителем, до мельчайших подробностей врежется в сердце, не оседает в глубинах памяти, оставаясь всегда на плаву. И если не сложилась личная жизнь, то горечь и обида – навек, и рана не забывается, и прощения родителю нет, как бы разумом ни хотелось простить. Во всяком случае, «нет» прощению на уровне подсознания.

Девочка, осенью 41-го забрасывавшая отца нежными письмами, через два с половиной года получила от него такой эмоциональный удар, что четыре месяца не виделась с отцом (не желала видеться!), и не разговаривала, и даже коротенькой записочки не написала. Она ничего не забыла и, будучи уже взрослой женщиной, летом 1963-го в подмосковном посёлке Жуковка, куда вывезла на отдых детей Осю и Катю, за 35 дней написала книгу воспоминаний «Двадцать писем к другу», где с эмоциональной болью описала драматические события, случившиеся после её дня рождения. И через 10 лет (мы ещё будем говорить о трагической развязке и, на первый взгляд, невероятном совпадении дат, ведь третий инсульт Сталина пришелся на день рождения дочери) оба – и дочь, и отец – помнили разлучивший их роковой день 28 февраля 1943 года.

«3-го марта утром, когда я собиралась в школу, неожиданно домой приехал отец, что было совершенно необычно. Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня, да так и приросла к полу в углу комнаты... Я никогда ещё не видела отца таким. Обычно сдержанный и на слова, и на эмоции, он задыхался от гнева, он едва мог говорить: «Где, где это всё? – выговорил он, – где все эти письма твоего писателя?»

Нельзя передать, с каким презрением выговорил он слово «писатель»... «Мне всё известно! Все твои телефонные разговоры – вот они, здесь! – он похлопал себя рукой по карману. – Ну! Давай сюда! Твой Каплер – английский шпион, он арестован!»

Я достала из своего стола все Люсины записки и фотографии с его надписями, которые он привез мне из Сталинграда. Тут были и его записные

¹⁵ Аллилуева С. И. Только один год. – Нью-Йорк, 1969.

книжки, и наброски рассказов, и один новый сценарий о Шостаковиче. Тут было и длинное печальное прощальное письмо Люси, которое он дал мне в день рождения – на память о нём.

«А я люблю его!» – сказала, наконец, я, обретая дар речи. «Любишь!» – выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову – и я получила две пощечины, – впервые в своей жизни. «Подумайте, няня, до чего она дошла! – он не мог больше сдерживаться. – Идёт такая война, а она занята!..» – и он произнёс грубые мужицкие слова, – других слов он не находил...

<...> Фразу о том, что «твой Каплер – английский шпион», я даже как-то не осознала сразу. И только лишь, машинально продолжая собираться в школу, поняла наконец, что произошло с Люсей... Но всё это было как во сне.

Как во сне я вернулась из школы. «Зайди в столовую к папе», – сказали мне. Я пошла молча. Отец рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии.

«Писатель! – бормотал он. – Не умеет толком писать по-русски! (Это сказано о лауреате Сталинской премии первой степени 1941 года за сценарий фильмов «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». – Р. Г.) Уж не могла себе русского найти!» То, что Каплер – еврей, раздражало его, кажется, больше всего...

Мне было всё безразлично. Я молчала, потом пошла к себе. С этого дня мы с отцом стали чужими надолго. Не разговаривали мы несколько месяцев; только летом встретились снова»¹⁶.

А Каплера арестовали и, по обвинению в шпионаже (для вынесения приговора достаточно было заявления вождя, что он «английский шпион»), «предателю» вломили удивительно малый срок для подобного обвинения – 5 лет ссылки. А после освобождения в 1948 году за недозволенный приезд в Москву ещё на 5 лет отправили в лагерь, дабы надолго отрубить желание встретиться с дочерью генералиссимуса.

Через четверть века, пройдя через три замужества (регистрация четвёртого с индийским коммунистом Баджешем Сингхом была запрещена Косыгиным, председателем Совета министров СССР, несмотря на отмену сталинского запрета на брак с иностранцами; не помогла и личная встреча Светланы с Косыгиным), поселившись в США, она вновь вспоминала Каплера и размолвку с отцом: «Никогда потом не возникало между нами прежних отношений. Я была для него уже не та любимая дочь, что прежде»¹⁷.

Родители обычно острее переживают распрю с детьми, особенно с младшим ребёнком, которого с младенчества балуют и с которого в детстве почти всегда меньший спрос, особенно если это девочка, единственная дочь (!), которая в глазах отца, даже без оглядки на Фрейда, – почти что совершенство, богиня. Сталин не исключение. Он помнил о самоубийстве жены и боялся, что в состоянии стресса Светлана может наложить на себя руки. И тут случилась история, о которой позже вспоминал Серго Берия:

«Я учился в одной школе с детьми Сталина. Светлана Аллилуева сидела за одной партой с моей будущей женой. Она нас с Марфой и познакомила.

<...> Уже во время войны попал я в одну неприятную историю, связанную со Светланой. После возвращения с фронта подарил ей трофейный вальтер. Проходит время, и в академию, где я учился, приезжает генерал Власик, начальник личной охраны Сталина.

– Собирайся, – говорит, – вызывает Иосиф Виссарионович.

¹⁶ Аллилуева С. И. Двадцать писем другу. – М., 1990.

¹⁷ Аллилуева С. И. Только один год. – Нью-Йорк, 1969.

Приезжаю. Никогда раньше такого не было, чтобы вызывал.

Поговорили немного о моей учебе, а потом и говорит:

– Это ты Светлане револьвер подарил? А знаешь, что у нас дома с оружием было? Нет? Мать Светланы в дурном настроении с собой покончила...

Я обалдел. Знал, что мать Светланы умерла, но о самоубийстве никто у нас в доме никогда не говорил.

– Ладно, – сказал Сталин, – иди, но за такие вещи вообще-то надо наказывать...»¹⁸

Через четыре месяца Светлана закончила школу. По настойчивому совету *близких* (инициатива, скорее всего, исходила от Сталина, попросившего кого-то, к кому дочь прислушивалась – няню, *Власика*, повлиять на упрямцу), она позвонила отцу, который жил на даче, сообщила об успешном окончании школы и услышала краткое приглашение (Светлана написала «*буркнул*»): «Приезжай». Это была их первая встреча после размолвки. Она хотела поступать на филфак, но уступила желанию отца и согласилась подать документы на истфак МГУ, однако в отместку прибила его сообщением, вынашиваемым четыре месяца размолвки, – сказала, что хочет взять фамилию матери¹⁹.

Сталин поперхнулся: он не ожидал такого удара, и она, почувствовав, что отец уязвлён, отложила своё намерение. Но он ничего не забыл. Помнил о пистолетике, обнаруженном у дочери, и её неожиданным пожеланием и, опасаясь трагической развязки (ведь и Яша стрелялся после ссоры с отцом, а затем в состоянии аффекта нажала на курок Надя), не стал ей препятствовать, когда через год у неё появился жених, Гриша Морозов.

– Чёрт с тобой, делай, что хочешь, – раздражённо сказал он. Он вновь поссорился с дочерью, отказался видеться с зятем и затаил ненависть к евреям. Подсознательно он мстил им за Каплера и Морозова.

Выйдя замуж, Светлана благоразумно не стала брать фамилию мужа. В 1945 году она родила сына, которого, стараясь задобрить отца, назвала Иосифом. Уловка не сработала. Сталин впервые увидел внука-еврея, когда тому было три года. Это произошло вскоре после того как Сталин добился развода: по его поручению Василий приехал к сестре, от имени отца потребовал паспорта, уехал в милицию и вскоре вернулся с новеньким паспортом, в котором не было пометок о браке. Скандалить Светлана не стала, на время смирилась и даже нашла себе оправдание, высказанное близкой подруге Марфе Пешковой, внучке Максима Горького: «Мужей у меня может быть много, а папа один», – *она ведь должна была как-то объяснить, почему не бунтует*, – хотя в первом замужестве, грубо разрушенном отцом, была счастлива. Но брату-генералу, не заступившемуся за неё перед отцом, предательства она не простила и затаила обиду. Возможно, именно по этой причине лишь однажды – вместе с Капитолиной Васильевой, третьей женой брата, и то по настоятельной просьбе Капы – в январе 1956-го навестила его в тюрьме (Василия арестовали через полтора месяца после смерти отца). Больше они не виделись. На похороны брата (он умер 19 марта 1962 года в Казани) Светлана не поехала.

Через 40 лет, в книге «Далекая музыка», написанной в 1983 году в Англии на английском языке и изданной в Индии в августе 1984 года только для книжного рынка Индии, Бангладеш и Пакистана, Светлана вспоминала первое замужество:

«Я вдруг вспомнила, как ожидала ребенка впервые, ещё восемнадцати лет и в дни войны... То были мрачные дни в России, 1944 год, затемнение в Москве, в магазинах – ничего. Трудно было найти, из чего сделать пеленки...

¹⁸ Берия С. Л. Мой отец – Лаврентий Берия. – М., 1995.

¹⁹ Аллилуева С. И. Только один год. – Нью-Йорк, 1969.

Мы были молодые студенты университета, мой муж всего четырьмя годами меня старше. Как счастливы мы были, ожидая нашего ребёнка, как много времени проводили над книгами, как далеки были наши мысли от всех этих роскошных и ненужных драгоценностей, мехов, подарков, обедов напоказ и от денег. Мы были молодые, влюблённые и не помышляли о суете земной. Зачем мне всё это?»²⁰

После того как Сталин добился развода, он высказал дочери то, что лежало у него на сердце: «Сионисты подбросили тебе твоего первого муженька».

Светлана пыталась возразить: «Папа, да ведь молодёжи это безразлично. Какой там сионизм?» – заступаясь за Гришу и за *не русского* Каплера. Через одиннадцать лет назло отцу она всё-таки станет его любовницей, правда, ненадолго – в воркутинской ссылке Люся женился на актрисе Валентине Токарской, и хоть прошлое не вернёшь, освободившись в 1954 году, в пику «кремлёвскому горцу», он «восстановил историческую справедливость».

– Нет! Ты не понимаешь! – резко ответил он, пылая ненавистью к избранникам дочери, – сионизмом заражено всё старшее поколение...²¹

...Политическая элита СССР, прислушивающаяся к каждому слову вождя, на развод Светланы отреагировала стремительно. Маленков, заместитель Сталина, потребовал от своей дочери немедленно разойтись с мужем-евреем. Партийные функционеры всех рангов подхватили его инициативу. Никто не подсчитывал, сколько смешанных браков разрушилось в СССР в семьях партноменклатуры после развода Светланы.

«Трудно поверить, что государство вмешивалось в семейную и частную жизнь своих сограждан. Но достаточно прочесть «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата», опубликованные в СССР в 1924 году, чтобы осознать оруэлловскую реальность книги «1984» и понять, почему безропотно разошёлся с женой Молотов и послушно расстались с мужьями дочери Маленкова и Сталина...

Двенадцатая заповедь гласила: «Класс (рабочий класс. – Р. Г.), в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов». Эта заповедь сформулировала моральный кодекс революционера, исключив из семейных отношений слово «любовь»: «Половое влечение к классово враждебному объекту является таким же извращением, как и половое влечение человека к крокодилу, к орангутангу»²².

...Год, когда был разрушен первый брак Светланы и Григорию Морозову запрещалось видеться с сыном, был 1947-й. В это же время, как будто не было семейных проблем, развивался прагматический «роман» Сталина с сионистами.

Причудливы зигзаги истории и обманчивы радужные надежды. Ничто в 1947 году не предвещало того, что случится с «брачными партнёрами» через пять лет, когда на Президиуме ЦК (декабрь 1952) Сталин выплеснет наружу накопившуюся ненависть к евреям и причислит абсолютно всех к сионистам и к американским шпионам. А начиналось всё многообещающе, и «брак по расчёту» обещал быть как никогда прочным...

²⁰ Аллилуева С. И. Далёкая музыка. – Нью-Йорк: Либерти, 1988.

²¹ Аллилуева С. И. Двадцать писем другу. – М., 1990.

²² Залкинд А. Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата. – М.: Издательство Коммунистического Университета им. Я. М. Свердлова, 1924.

«Роман» Сталина с сионистами

Кратковременный «роман» Сталина с сионистами, которых после окончания гражданской войны советская власть преследовала наряду с церковнослужителями, «попутчиками» и инакомыслящими (список репрессированных, попавших в ту или иную категорию, исчисляется миллионами), начался после визита в Москву в августе 1941 года Гарри Гопкинса, личного представителя Рузвельта. В ходе его визита было подписано соглашение о подключении Советского Союза к ленд-лизу, государственной программе, принятой Конгрессом в марте этого же года, позволявшей президенту США передавать союзникам средства, необходимые для ведения войны. Перед его приездом в Москве организовали пропагандистскую акцию – радиомитинг «представителей еврейского народа», обратившихся с призывом о помощи к «братьям евреям во всем мире». Америка ответила на воззвание созданием «Еврейского совета по оказанию помощи России в войне», который возглавил Альберт Эйнштейн. Аналогичный «общественный комитет по оказанию помощи СССР в борьбе против фашизма» был создан в Палестине. Поставки по ленд-лизу частично оплачивались пожертвованиями евреев, и для активизации сбора денег Сталин дал указание Ивану Майскому, советскому послу в Лондоне, встретиться с Хаимом Вейцманом, Президентом Всемирной сионистской организацией, штаб-квартира которой размещалась в британской столице. Вейцман объявил о сборе пожертвований.

Сотрудничество с сионистами на внешнеполитической арене выглядело перспективным, и, воспользовавшись приездом в Лондон Бен-Гуриона, председателя правления Еврейского агентства, Сталин поручил Майскому «прощупать» политические взгляды лидера самой влиятельной в Палестине партии – социалистической, МАПАЙ. Их встречи состоялись в здании советского посольства 4 сентября и 9 октября 1941 года.

На первой встрече Майский попросил Бен-Гуриона письменно рассказать о рабочем движении в Палестине. 13 октября он получил подробное письмо. Бен-Гурион писал о преданности социалистическим идеалам и о кибуцах, где, по его словам, коллективизм и обобществление собственности зашло намного дальше советских колхозов. Он писал, что целью сионизма является возвращение евреев на историческую Родину, рассказал о роли рабочего движения в социальном и экономическом строительстве Палестины и выразил готовность направить в Москву профсоюзную делегацию, которая подробно проинформировала бы советских руководителей о еврейском рабочем движении в Палестине. В этом же письме Бен-Гурион поинтересовался, какую помощь Советский Союз желал бы оказать евреям в осуществлении в Палестине их политических устремлений.

Майский не мог ответить на этот вопрос и передал письмо Молотову. А Сталин получил благожелательные отзывы о палестинских сионистах-социалистах, которых, как оказалось, можно использовать в политических целях для завоевания плацдарма на Ближнем Востоке: они, как выяснилось, преданы коммунистическим идеалам, страстные поклонники Ленина и СССР и недовольны англичанами, давними недругами Сталина.

Майский пробыл в Лондоне в должности посла девять лет. В октябре 1943-го его назначили заместителем наркома иностранных дел и командировали в Каир для подписания документов о восстановлении дипломатических отношений с Египтом. И тут он преподнёс англичанам сюрприз. В Каире он обратился к Гарольду Макмайклу, Верховному комиссару Палестины, с пожеланием посетить Иерусалим и прикоснуться к святым местам. В Иерусалиме располагалась штаб-квартира британской администрации (Англия владела мандатом Лиги Наций на Палестину), и Макмайкл, не подозревая о тайном умысле, пригласил Майского в качестве личного гостя посетить с трёхдневным визитом Палестину. Но затем последовала ещё одна просьба, удивившая Верховного комиссара: замнаркома выразил желание побывать в кибуце

и попросил организовать ему встречу с руководителями Еврейского Агентства. Предупредив гостя, что не может гарантировать ему личную безопасность, с большой неохотой Макмайлк позволил ему по пути из Тель-Авива в Иерусалим провести один день в кибуцах, в Кирьят-Анавим и Маале а-Хамиша. Там Майский встретился с Бен-Гурионом и Голдой Меир. Они показали гостю, как выглядят живущие коммуной еврейские сельскохозяйственные поселения.

Единственным известным на сегодняшний день документом о визите Майского в Палестину является сообщение Бен-Гуриона на заседании руководства МАПАЙ; предварительно тот предупредил присутствующих о неразглашении информации, поэтому в партийной печати, предназначенной для «внутреннего пользования», об этой встрече появилось лишь краткое сообщение. На него через полстолетия в израильском журнале «Лебенс-Фраген» ссылался профессор Минц, рассказывая о политике Советского Союза в Палестине в годы Второй мировой войны.

По словам Бен-Гуриона, на обратном пути из Маале а-Хамиша Майский завёл разговор о сионизме и спросил, имеется ли план приёма евреев после окончания войны. Майский подчеркнул, что после Победы на повестке дня остро станет еврейский вопрос и уже сейчас необходимо найти пути для его разрешения. Бен-Гурион ответил, что существует план приёма одного миллиона евреев, на что Майский заметил, что этого недостаточно: «Вы должны быть готовы к цифре 2,5 млн человек».

Информируя руководство МАПАЙ о беседе с заместителем наркома, Бен-Гурион был взволнован и возбуждён. Обещав Майскому подготовить условия приёма иммигрантов, ориентируясь на эту цифру, он не знал, как выполнить обещание, и признался: «Я ошарашен. Мне трудно даже представить, как это подготовить».

Остаётся загадкой, почему в октябре 1943 года Майский заговорил о переселении в Палестину 2,5 млн евреев. Откуда взялась эта цифра? Почему он затеял этот разговор?

Предположим, советское руководство размышляло, что делать с сотнями тысяч бежавших в 1939 году от Гитлера польских евреев, которых польское правительство в изгнании не желало принять обратно. С другой стороны, от 1,2 до 1,4 млн советских евреев (данные разнятся) оказались в глубоком тылу. В эвакуации они жили в бедственных условиях и после окончания войны мечтали вернуться в родные места. Но как их разместить, если жилищный фонд в оккупированных районах находился в руинах? Планировал ли Сталин решить жилищную проблему отправкой польских и советских евреев-беженцев в Палестину? А может, он намеревался вместе с беженцами переправить в Палестину евреев-коммунистов, бойцов Красной Армии, которые помогут создать шестнадцатую советскую республику?

Вопросов множество, но мы должны чётко осознавать: не мог Майский, знавший о политических процессах 30-х годов, на которых даже членов Политбюро обвиняли в шпионаже и сотрудничестве с зарубежными разведками, к тому же имевший грехи молодости (ему время от времени припоминали меньшевистское прошлое) – не мог он по собственной инициативе посетить Иерусалим. Не мог он без поручения Молотова (но и тот в таких вопросах не был самостоятелен) встречаться в кибуце с лидерами сионистов и делать политические заявления. Только один человек мог дать ему такое распоряжение – Сталин. И только он в те дни, когда, за редким исключением, бывшие меньшевики получали пулю в затылок, только он, Верховный Правитель Советской России, мог не только спасти меньшевика Майского от «ежовых рукавиц», но и назначить послом в Англии, затем заместителем наркома, а позже включить в состав советской делегации для участия в Ялтинской и Потсдамской конференциях.

Пока архивы полуоткрыты, можно только гадать, какие мысли витали в голове Сталина, но замнаркома отсебятиной не занимался и «ляпы» не произносил. Он прекрасно знал реалии, существовавшие на тот момент: Палестина – подмандатная территория, контролируемая Великобританией, лимитировавшей еврейскую иммиграцию в Палестину (в год разрешалось въехать 15 тысячам при общем числе за пять лет 75 тысяч, на этом иммиграция прекраща-

лась). Для принятия двух с половиной миллионов беженцев (цифра была названа Майским не «с потолка») Палестина должна была обладать иным статусом, другими словами, не быть подвластной Великобритании. Это понимал Бен-Гурион и руководители МАПАЙ, которых он проинформировал о беседе с высокопоставленным представителем Сталина. Никто не знал, что за этим скрывается и каковы истинные намерения главы советского правительства.

Вернувшись в Москву, Майский написал подробный и благожелательный отчёт о реальных силах и возможностях сионистов и об их идеологии (до сих пор не опубликованный), способствовавший формированию советской политики в Палестине.

Визит Майского в Палестину в советской прессе не освещался. Молчала и палестинская. Ни слова не сказано о встречах с Майским ни в мемуарах Голды Меир, ни в обширной биографии Бен-Гуриона, написанной Бар-Зохаром. Промолчал о поездке в Палестину и сам Майский. Его мемуарная серия обошла этот вопрос стороной; впрочем, не станем забывать, что последняя книга серии – «Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг.» – была издана в 1971 году, в расцвет эпохи застоя. В 1975 году он умер.

«Забычивость» Майского легко объяснима: в разгар «дела врачей», за две недели до смерти Сталина, он был арестован и помещён в одиночную камеру, в которой без предъявления обвинений пробыл более двух лет до освобождения в июле 1955 года. Такой оказалась цена, заплаченная им за контакты с лидерами сионистов.

«Роман» Сталина с сионистами завершился зимой 1949-го. Вождь заговорил о борьбе с сионизмом и космополитизмом, попутно обвинив в этом всех советских евреев, и «жертвами» нового курса в высшем политическом руководстве страны стали Берия, Молотов и Микоян. Но об этом позднее. О прежнем партнёрстве в Кремле предпочитали умалчивать, и опытный дипломат, получив уроки тюремной грамоты, держал язык за зубами. А Голда Меир и Бен-Гурион, зная о годах, проведенных им в тюрьме, благоразумно исключили из своих воспоминаний страницы, которые могли бы ему повредить.

1945 год: Великие Державы и Палестина

Хотя палестинский вопрос не был официально внесён в повестку дня Ялтинской конференции (4—11 февраля 1945 года), в частных беседах лидерами «большой тройки» он затрагивался. Держа в уме тайную мечту создать советский форпост на Ближнем Востоке, Сталин заявил Рузвельту, что мировое сообщество несёт ответственность за судьбу еврейского народа и после случившегося обязано создать условия, исключая в будущем дискриминацию евреев. Советский вождь высказался за создание в Палестине еврейского государства и поддержал требование сионистов о неограниченной еврейской иммиграции в Палестину.

Придерживались ли такой же позиции две другие великие державы? Как бы не так!

Рузвельт лавировал, зная нежелание Черчилля идти навстречу чаяниям сионистов, юлил и делал противоречивые заявления. Возвращаясь после Ялтинской конференции в Вашингтон, он пригласил на борт своего крейсера короля Саудовской Аравии, арабских лидеров Ливана, Сирии и Египта и успокоил их обещанием, что любое решение, связанное с Палестиной, будет принято только после всесторонних консультаций с арабами и евреями. Он заверил их, что не поддержит решение, которое арабы могли бы расценить как враждебное. В Вашингтоне он повёл себя иначе. «Покупая» голоса избирателей-евреев, Рузвельт принял в Овальном кабинете раввина Уайза, влиятельного в еврейской общине политического деятеля, и на прямой вопрос, подтверждает ли он сделанные осенью в ходе предвыборной кампании обещания о поддержке неограниченной еврейской иммиграции в Палестину и о создании еврейского государства, беззастенчиво заверил того, что всё остаётся в силе. Когда успокоенный Уайз удалился, Рузвельт телеграфировал королю Саудовской Аравии о неизменности своей ближневосточной политики.

Двуличное поведение Рузвельта лишь частично объяснялось его болезнью (он был ослаблен гипертоническими атаками и умер через два месяца после завершения Ялтинской конференции, 12 апреля 1945 года). Он склонялся к позиции Госдепартамента, избегавшего конфликта с арабскими странами и выступавшего против создания еврейского государства. Госдеп и раньше не благоволил к евреям, а с окончанием строительства нефтепровода запаха саудовской нефти дошёл до коридоров Белого дома и стал влиятельным фактором, определяющим внешнюю политику США. Незадолго до смерти, беседуя с Джозефом Проскауэром, президентом Американского еврейского комитета, Рузвельт печально развёл руками, поясняя причину отказа от ранее сделанных обещаний: «Из-за ситуации с арабами в Палестине ничего сделать нельзя».

Дэвид Найлс, помощник Рузвельта, позже, осмысливая противоречивые обещания, раздаваемые президентом, писал: «У меня имеются серьёзные сомнения в том, что Израиль появился бы на свет, если бы Рузвельт был жив»²³.

Новый президент Гарри Трумэн также придерживался проарабской позиции, и не склонен был из-за Палестины ссориться с англичанами.

Сталин, ненавистник Черчилля и единственный из трёх мировых лидеров, не связанный дивидендами от ближневосточной нефти, принял твёрдое решение оказать сионистам политическую поддержку. В Палестине он намеревался ударить по английским интересам на Ближнем Востоке.

²³ Sachar H. M. A History of Israel from Rise of Zionism to Our Time. – New York: Alfred A. Knopf, 2002.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.